

Информация для цитирования:

Фролова А. В. Бытовое и бытийное в рассказах Василия Шукшина и Бориса Екимова / А. В. Фролова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 287—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-287-303.

Frolova, A. V. (2024). Domestic and Existential in Stories of Vasily Shukshin and Boris Yekimov. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 287-303. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-287-303. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Бытовое и бытийное в рассказах Василия Шукшина и Бориса Екимова

Фролова Анна Васильевна^{1,2}

orcid.org/0009-0007-2263-7853

кандидат филологических наук, доцент,

¹ доцент кафедры русской литературы

XX и XXI веков,

теории литературы и гуманитарных
наук;

² исполнитель проектов отдела
сопровождения научных проектов
frolova-anna2008@yandex.ru

¹ Воронежский
государственный университет
(Воронеж, Россия);

² Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-18-00408,
<https://rscf.ru/project/23-18-00408/>

Domestic and Existential in Stories of Vasily Shukshin and Boris Yekimov

Anna V. Frolova^{1,2}

orcid.org/0009-0007-2263-7853

PhD in Philology, Associate Professor,

¹ Department of Russian Literature

20th and 21st centuries,

Literary Theory and Humanities;

² project executor,
scientific projects support department
frolova-anna2008@yandex.ru

¹ Voronezh State University
(Voronezh, Russia);

² Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried
out with the support of a grant
from the Russian Science Foundation
№ 23-18-00408,
<https://rscf.ru/project/23-18-00408/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Общность мировоззренческих установок писателей-«деревенщиков» обычно оставляет в тени вопросы об их различиях в оценках социальной реальности, в трактовках исторических изменений, в понимании места человека в мире. В этой связи актуальной и новой кажется задача сравнительно-сопоставительного анализа близких художественных решений. В статье рассматривается случай разного масштабирования внешне сходной фабульной ситуации. Материалом для анализа стали рассказы Василия Шукшина «Сапожки» и Бориса Екимова «Пара осенней обуви». Показано, что герои В. Шукшина и Б. Екимова реализуют себя в сюжетах разной бытийной напряженности, решают разные задачи. Несмотря на похожесть фабул рассказов, их сюжетное различие очевидно. Герои Шукшина знают, как должно быть, но зачастую отходят от жизненных идеалов, боятся быть добрыми, потому в мире писателя бытийное часто оказывается девальвированным. Василий Шукшин, фиксирующий разрушение бытийного во внутреннем мире героя, в рассказе «Сапожки» показывает, что преодоление житейского, повседневного есть поступок героя, его личная победа. Борис Екимов расставляет принципиально иные акценты: во внешне сходной ситуации решает внеличностную задачу. Смысл сюжета, реализованного в рассказе «Пара осенней обуви», — напомнить читателю о духовных, общих ценностях, которые могут быть утрачены в повседневных заботах.

Ключевые слова:

Василий Шукшин; Борис Екимов; деревенская проза; сюжет; образ героя; характер; чудик; мотив испытания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The shared worldview of the so-called “village” writers often obscures the questions regarding their differing evaluations of social reality, interpretations of historical changes, and understandings of humanity’s place in the world. In this context, the task of comparative analysis of their similar artistic solutions appears both relevant and novel. This article examines the case of different scales of a seemingly analogous plot situation. The stories analyzed are Vasily Shukshin’s “The Boots” and Boris Yekimov’s “A Pair of Autumn Shoes”. It is demonstrated that the protagonists of Shukshin and Yekimov manifest themselves within narratives of varying existential intensity, addressing distinct challenges. Despite the apparent similarity in plots, their narrative differences are evident. Shukshin’s characters understand how life should be, yet often deviate from their ideals, fearing kindness; thus, in the writer’s world, the existential is frequently devalued. Vasily Shukshin, who captures the disintegration of the existential within the hero’s inner world, illustrates in “The Boots” that overcoming the mundane is an act of heroism and a personal triumph. Conversely, Boris Yekimov places fundamentally different emphases: within a superficially similar situation, he addresses a transpersonal challenge. The essence of the plot realized in “A Pair of Autumn Shoes” serves to remind readers of spiritual and communal values that may be lost amid everyday concerns.

Key words:

Vasily Shukshin; Boris Yekimov; village prose; plot; image of the hero; character; fool; motif of trial.

Бытовое и бытийное в рассказах Василия Шукшина и Бориса Екимова

© Фролова А. В., 2024

1. Введение = Introduction

Творчество В. Шукшина, наряду с произведениями В. Распутина, В. Белова, Ф. Абрамова, рассматривается в контексте литературы 1960—70-х годов, ставших временем возникновения и становления «деревенской» прозы как «прозы национального самосознания, как достойной наследницы русской классики» [Ковтун, 2017, с. 12]. Никем не заказанная, она, по выражению Валентина Распутина, не могла «не появиться и не сказать свое скорбное слово», «литература, как процесс живой и чуткий, волей своей создала писателей для этой прозы», «способной точно находить нервные окончания на том огромном теле, который мы называем “народ”» [Распутин, 1987, с. 164]. Исследователями отмечены такие черты прозы «деревенщиков», как стремление описать «судьбы русской деревни, людей нелегкого крестьянского труда, осмысление их нравственного потенциала в качестве эстетического идеала, образа, стремление понять сложность происходящих жизненных процессов через судьбу крестьянина» [Бодрова, 2011, с. 233], интерес к патриархальному миру и осознание его обреченности, обращение к ценностям прошлого, рождение памяти о нем, особый пророческий пафос, дидактичность, желание сохранить нравственные ценности [Ковтун, 2017; Иванова, 2013; Цветова, 2008].

Творчество Василия Шукшина — особая страница «деревенской» прозы. Сложность и многовекторность его художественных поисков заставляет усомниться в правомерности ограничения его поэтики исключительно реалистической парадигмой [Parthe, 2004, с. 123]. Исследователи видят в прозе писателя и черты модернизма [Сигов, 1999, с. 87], и игровые стратегии постмодернизма [Ковтун, 2017, с. 377]. И. И. Плеханова отмечает провокативность эстетики В. Шукшина «для поэтики реализма 60—70-х и лирико-дидактической “деревенской прозы”», обусловленную «анали-

тической резкостью художественной позиции» и «преданностью суровой правде» [Плеханова, 2020, с. 26]. Писателем «“переходного” мироощущования, раньше других осознавшим глубинные противоречия внутри патриархального мира», называет В. Шукшина Н. В. Ковтун [Ковтун, 2017, с. 377]. Л. Т. Бодрова определяет его как «создателя народных экзистенций», обратившегося «к жизни обыкновенного “человека в человеческом измерении”», созидавшего «драму, трагедию утраты бытийных ценностей» и эстетизировавшего «пафос обретения человеком ценностей личных, экзистенциальных» [Бодрова, 2011, с. 190]. По мнению исследователя, наследуя Чехову, Шукшин «бесстрашно передоверил обыкновенному человеку право и обязанность жить в литературе самому, без авторских подпорок», «перенес акцент на ответственность самого человека — и за его унижение, и за его ничтожество. За место в жизни, за роль в политике и в истории» [Бодрова, 2011, с. 118]. Очевидно, что на этом пути писатель обнаружил в человеке столько «непривычного, нестереотипного, загадочного», «что все это потрясало канон реализма, сложившееся во времени представление о простом человеке, о народном типе, о человеке вообще» [Воробьева, 2015, с. 93]. Высказанные исследователями замечания побуждают обозначить принципиальный для шукшинского творчества антропоцентрический акцент, смену художественной оптики с изображения мира на познание человека.

Войдя в литературу еще при жизни В. Шукшина, Б. Екимов к концу 1970-х годов стал рассматриваться критикой как писатель «деревенской» темы. Был выделен и его сокровенный герой — «великий труженик», «хозяин», «живущий собственным трудом» [Васильев, 1988, с. 151]. Своего положительного героя писатель определяет так: «Речь зашла о положительном герое, о героической личности. <...> Для меня таким героем является простой крестьянин, который принял на свои плечи непомерный груз истории, все тяготы каждодневного изнурительного труда, часто без выходных, без какого бы ни было вознаграждения» [Екимов, 1986, с. 6]. В прозе Б. Екимова отражено состояние российской действительности 1990—2000-х годов, когда произошла стремительная трансформация духовных и социальных приоритетов, «разрушилась органическая целостность личности, необходимая для её дальнейшего успешного развития» [Крылова, 2022].

Ряд исследователей не сомневаются в генетической связи творчества писателя с «деревенской» прозой и — шире — традиционализмом [Плеханова, 2012, с. 64; Бараков, 2015], соединяют прозу Б. Екимова с последними произведениями В. Распутина, В. Астафьева, отмечая присущие ей сдержанность, лирические интонации, отсутствие идеализации деревни

[Тагильцев, 2022]. С. В. Кожевникова встраивает рассказы писателя 1980-х годов в «абрамовскую» линию в «деревенской» литературе [Кожевникова, 2002]. Примечательно, что сам писатель в беседах и интервью неоднократно называл имя В. Шукшина в числе своих учителей. М. Мокрова в диссертации исследует принципы творческого диалога двух художников: «Многое в манере рассказчиков В. Шукшина и Б. Екимова сходно: и «неутоленное любопытство к жизни», и верность писателей раз избранной теме, своим героям-землякам, которые на страницах рассказов предстают не как литературные персонажи, а как живые, реальные люди, а также то, что оба писателя ищут не сюжет как таковой, а ситуацию, в которой выявляет себя характер» [Мокрова, 2003, с. 11]. Отмечает она и интерес современного писателя к «коренному типуажу шукшинской прозы» — «чудику», что подтверждает значимость сделанных Шукшиным художественных открытий в характерологии.

Общность мировоззренческих установок писателей-«деревенщиков» обычно оставляет в тени вопросы об их различиях в оценках социальной реальности, в трактовках исторических изменений, в понимании места человека в мире. В этой связи актуальной и новой кажется задача сравнительно-сопоставительного анализа близких художественных решений. Особенно репрезентативным видится случай разной трактовки одной и той же фабульной ситуации с несхожими вариантами сюжетного развития.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для анализа стали рассказы Василия Шукшина «Сапожки» и Бориса Екимова «Пара осенней обуви». Объект исследования — особенности сюжетики в указанных произведениях, предмет — изображение внутреннего мира героев, осмысление мотивов их поступков во внешне сходной ситуации.

Ведущими в исследовании стали сравнительно-исторический метод и метод целостного анализа, применение которых дало возможность провести сопоставление рассказов В. Шукшина и Б. Екимова и выявить особенности миростроительных интенций писателей, разницу в отношении к человеку.

Теоретической основой статьи стали ключевые литературоведческие работы, посвященные исследованию «деревенской» прозы и традиционализма как актуального вектора литературного процесса второй половины XX века [Ковтун, 2017; Плеханова, 2012; Крылова, 2022; Цветова, 2008; Иванова, 2013], а также творчества отдельных его представителей: В. М. Шукшина [Сигов, 1999; Бодрова, 2011; Куляпин,

2015; Плеханова, 2020; Воробьева, 2015] и Б. П. Екимова [Мокрова, 2003; Кожевникова, 2002; Васильев, 1988; Бараков, 2015; Роднянская, 1996].

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что его материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории русской литературы второй половины XX века, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных общим вопросам теории фабулы и сюжета, жанровой специфике рассказа, «деревенской» прозе, а также непосредственно творчеству Василия Шукшина и Бориса Екимова.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Событие добра в рассказе В. Шукшина «Сапожки»

Рассказ «Сапожки» был написан В. Шукшиным в 1970 году и включен в сборник «Характеры» (1973), «экзистенциальная напряженность» [Ковтун, 2017, с. 378] которого обусловлена тем, что герои размышляют над вечными вопросами, не решив которые жить невозможно. Герои писателя, несмотря на невысокий социальный статус, простую профессию и небольшой достаток, оказываются людьми, способными на неординарный, парадоксальный по житейским меркам поступок. Шукшин декларирует свой интерес к сложному человеческому материалу: «Когда герой не выдуман, он не может быть только безнравственным или только нравственным» [Шукшин, 1992, т. 5, с. 403].

Фабула рассказа незатейлива, что характерно для малой прозы писателя. Приехавший в город за запчастями шофер Сергей Духанин увидел в магазине женские сапожки, «и потерял покой: захотелось купить такие жене» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 415], и купил. По приезде домой обнаружилось, что Клавдии они малы.

Суть рассказа — в разном понимании главного события, в выявлении неординарных оценок поступка главного героя. С прагматической точки зрения, ситуация нелепа: Духанин покупает без примерки дорогие сапожки, непригодные для повседневной носки в деревне. В эту логику укладывается реакция продавщицы, не желающей даже показывать ему сапожки, и мужиков-шоферов, оценивающих поступок Сергея как «глупость». Все попытки героя объяснить покупку безуспешны.

Шукшин строит сюжет героя как неподвластный его осмыслению внезапный слом привычной логики существования. Сергей Духанин оказывается в одном ряду с «упорным» Моней Квасовым, вдруг решившим сконструировать вечный двигатель, Андреем Ериным, утаившим от

семьи деньги на покупку микроскопа. Внешне поступок героя не мотивирован. Он совершает дорогую покупку не для того, чтобы заслужить расположение жены, или в качестве извинения. Мотивировка поступка раскрывается во внутреннем монологе Духанина: «И так и подойдешь к этой самой ямке, в которую надо ложиться, — а всю жизнь чего-то ждал. Спрашивается, чего надо было ждать, а не делать такие радости, какие можно делать?» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 416]. Этот аргумент — «сделать радость» — становится для героя решающим. Верность этого сердечного порыва подтверждается тем обстоятельством, что вопреки здравому смыслу Клавдия не ругает мужа: «<...> смотрела на сапожок, машинально поглаживала ладонью гладкое голенище. В глазах ее, на ресницах блестели слезы...» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 421]. Завершает рассказ несобственно-прямая речь, проясняющая авторскую оценку героя: «Улыбнулся сам себе, качнул головой... Но не подумал так: «Купил сапожки, она ласковая сделалась». Нет, не в сапожках дело, конечно, дело в том, что... Ничего. Хорошо» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 422]. Сюжетное действие, начинаясь со слов «потерял покой» и заканчиваясь словами «на душе было хорошо», замыкается на герое, своим поступком отстаивающем право на утверждение в мире добра.

Композиционно рассказ делится на две части, отличающиеся составом героев. В первой Сергей показан в своих социальных связях, во второй — в кругу семьи. Состояние Духанина неодинаковое. Драматическое напряжение в первой части достигается неоднократным проигрыванием ситуации. Герою предстоит выдержать несколько раундов борьбы. Первый — с самим собой, потом — в магазине с продавщицей, потом — в общежитии с мужиками. Бытовая ситуация становится поступком, призванным манифестировать потребность человека в чистой радости.

«Чудик» Василий Князев анекдотично-наивен, житейски бестолков, что проявляется в том, что он прочитывает ситуацию односторонне, со своей точки зрения, о чувствах других не задумывается. Он изначально убежден, что радость переживания происходящего будет общей. Сергей Духанин внешне сложнее устроен, показывает разные реакции на оппонентов: изначально настроенный на принятие со стороны окружающих и осознавший невозможность этого, герой готов говорить с противниками на понятном им языке агрессии (жестко отвечает продавщице, резко и грубо прерывает диалог с мужиками). Необходимость защищаться показывает большую, чем у Князева, зависимость Сергея от мнения окружающих. С «чудиком» его роднит нежелание быть таким, как все, потребность не копировать «добро», а творить его и дарить.

А. И. Куляпин оценивает локус магазина в мире В. Шукшина как «часть пространства насилия и власти» [Куляпин 2015, с. 65]. Очевидно, что Сергей и не мог найти общего языка с «сухопарой продавщицей», заряженной на конфликт. Но ситуация с мужиками-шоферами, по мысли Духанина, должна была развиваться иначе. Он надеялся на понимание, ему «охота было показать сапожки» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 418]. Для мужиков же поведение Сергея за гранью понимания, их способом утверждения собственной правоты становится неприкрытая агрессия, в подтексте которой — неудовлетворенность собственным существованием, зависть к другим, более, с их точки зрения, успешным, причем незаслуженно. Тема их разговоров — деньги, сапожки в их системе ценностей — обувь «на городскую ножку», в которой в деревне и ходить-то некуда. Возникает ситуация-перевертыш: мужики говорят с Сергеем его собственными словами, совершают с сапожком те же манипуляции, что и он. В глазах шоферов *поступок* Духанина становится *проступком*, достойным порицания, своеобразным вызовом мужскому миру, поскольку отсылает к тем проявлениям женско-мужских отношений, о которых не принято говорить и с которыми не пристало считаться.

Наивность героя очевидна: с одной стороны, она проявляется в поступке-порыве, с другой — в том, что он рассчитывает на понимание мужиков. Это свидетельство того, что душа Сергея обособлена, он живет на виду у всех понятную жизнь, и в то же время он подобен любому шукшинскому герою, в душе которого есть «неоскорбляемая часть», невидная другим и, более того, не явленная самому герою. Говорящая фамилия героя «Сапожек» неслучайна.

В мире Шукшина желание сделать добро только внутреннее, оно не может прийти извне, к тому, кто не чувствует его ценности. Поэтому самая важная борьба — это борьба с собой, ее результат определяет дальнейшее развитие ситуации: кто бы герою ни противостоял, он не изменит решения, будет защищать его, даже если внутри «вздрагивает». И все же настоящий адресат поступка Сергея не мужики, а Клавдия и сам он. Герой стремится к празднику души, но понимает: чтобы сделать его себе, нужно сделать его другому человеку. Сапожки для Духанина — не утилитарный предмет, а источник красоты, символ семейного счастья, лада жизни, гармонии взаимоотношений. Их внешний вид поднимает над житейской приземленностью, деревенской грязью, они примета иной, не деревенской или городской — просто другой жизни. Очевидно, что в них нельзя ходить по деревенской грязи, как бесспорно и то, что не для этого они и покупаются. Важна не вещь сама по себе, а те отношения, к которым она отсылает.

Писатель не дает портрет Клавдии, хотя можно без труда домыслить образ деревенской женщины. Автору важнее то, какой видит ее Сергей, а он концентрируется не на внешности жены, а думает о ней как о любимой женщине. Именно поэтому вспоминает, что она «иногда, как маленькая, до слез радуется» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 415]. У Духаниных «слегка забытая» любовь, непрошедшая, она по-прежнему определяет поступки героев. Одна «дорогая минута» радости, о которой думает Сергей, оказывается залогом целой счастливой жизни, противопоставлена повседневному, полному забот существованию: «ребятишки», «хозяйство», «проклятые выпивки» мужа. Во внутреннем монологе герой, размышляя о нужности сапожек жене, переходит от «она» к «они» и обратно, включая, таким образом, фигуру супруги в более широкий контекст непростой женской судьбы и не отделяя ее от мужской.

Сергею «повезло» больше многих шукшинских «чудиков», которые часто остаются непонятыми даже в собственной семье. Пример тому — Алеша Бесконвойный, чья жена не приняла субботнего увлечения мужа, а «отступилась», или Василий Князев, которому жена «разъясняет» его «ничтожество», или Андрей Ерин, супруга которого «побежала за сковородником» «душу отвести». В рассказе «Сапожки» лад семейной жизни Духаниных подчеркивается их одинаковыми реакциями: Клавдия «тряхнула головой», Сергей «тоже тряхнул головой». Дома ситуация разворачивается именно так, как ее хотел видеть Сергей: на ресницах жены «блестят слезы». Герои эмоционально тождественно переживают покупку и понимают ее смысл одинаково. Белый «мирок» внутри сапожек, который Духанин защищает от «грязных лап» других, становится обозначением семейной гармонии. Сергей внезапно обнаружил главное в своей жизни: он не ошибся в выборе жены, выбрал ту, что чувствует то же, что и он. Как справедливо отмечает В. Сигов, данный рассказ Шукшина приоткрывает для читателей «чистый родник народной жизни», героев, сумевших в мирской суете сохранить свои «светлые души» [Сигов, 1999, с. 27].

Событие добра в рассказе состоялось. Неспособность героя сформулировать конечную мысль объясняется невозможностью словесно оформить чувство, наполнившее его душу, описать событие прозрения, которое было бы невозможно без волевого усилия Сергея. Он защитил душу, умножил радость, супружескую любовь, подал пример дочкам. Драматичность В. Шукшина заключается в понимании, что то, что должно быть императивом повседневного существования, в его художественном мире явлено как исключение, как «редкая гостья-минута», потому она и переживается героями так остро.

3.2. «Мысль семейная» в рассказе Б. Екимова «Пара осенней обуви»

Рассказ «Пара осенней обуви» был написан в 2015 году и включен Борисом Екимовым в сборник «Возвращение» (2016). Отсылка к шукшинским «Сапожкам» очевидна: ключевая деталь вынесена в заглавие. Есть и рифмующиеся эпизоды. Один из них — эпизод в магазине. В «Сапожках» продавщица «молча, зло смотрела», «в глазах ее <...> стояла белая ненависть», «была и ненависть, и какое-то еще странное удовольствие», «швырнула ему один сапожок» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 416—417]. Такое же удовольствие, связанное с возможностью унижить человека, испытывает и продавщица в рассказе Екимова: «усмехнулась», «в глазах вспыхнул злой огонек», «процедила <...> с такой откровенной ухмылкой» [Екимов, 2016, с. 279—280]. Похоже и поведение в магазине героев. Сергей «струсил», Алексей «обычно <...> продавщиц побаивался», оба неприятно поражены ценой сапожек / ботишков, оба вызывающе ведут себя: Духанин грубит продавщице, герой Екимова на словесный отпор не решается, однако покупка им обуви матери — во многом реакция на появившееся в магазине чувство собственной униженности, неслучайно он, привыкший слушаться жену, не возвращает покупку.

Сопоставляя рассказы на уровне традиционно сильных позиций текста — названий, отметим его подчеркнуто прозаический характер у Екимова. У Шукшина в первом же абзаце возникает мотив ожидания праздника, чуда преображения души; у Екимова сапожки нужны не для восполнения дефицита радости, а чтобы удовлетворить житейскую потребность: «На ноги бы чего... Вот ныне, к осени» [Екимов, 2016, с. 277]. Если в «Сапожках» внимание автора сосредоточено на образе главного героя, который сразу воспринимает приобретение сапожек как жест неординарный, переживает «нечаянный, большой <...> смысл» покупки, то в рассказе «Пара осенней обуви» покупка встраивается в сюжет туристической поездки героев и становится событием только по их возвращении. Неслучайно в произведении много бытовых подробностей, связанных с перемещениями героев из города в город, экскурсиями, покупками для родных и соседей, в череде этих дел приобретение Алексеем ботишков выделяется только неоправданной, с точки зрения героев, расточительностью.

Если Шукшину интересен герой, проявление его характера в неожиданном поступке, то внимание Б. Екимова сосредоточено на «мысли семейной», повседневном течении жизни, вскрывающей подлинную натуру персонажей. В его рассказе воссоздан отточившийся за годы совместной жизни уклад, когда у каждого члена семьи свой круг обязанностей:

Мартиновна «с утра и до ночи, в меру сил, копошилась по хозяйству» [Екимов, 2016, с. 276], у Алексея и Ольги, помимо работы в колхозе, большое домашнее хозяйство, требующее ежедневных усилий: «Картошка не копана, соломы не привезли. О дровах не думаешь. <...> Скотину на кого кинуть? Скоро зернецо будут давать» [Екимов, 2016, с. 275], старшая дочь, «считай, невеста» [Екимов, 2016, с. 275], есть младшие дети. Сложилась и иерархия отношений: Мартиновна уступила роль хозяйки, верховодит в семье Ольга, Алексей «обычно жену слушал». Разный ритм жизни героев подчеркнут антитезой суматохи, которую вызывает поездка у Алексея с Ольгой, их детей и соседок, и неизменно спокойного существования Мартиновны, которая «жила, как обычно» [Екимов, 2016, с. 276].

Отношения между Ольгой и Мартиновной укладываются в привычную бытовую парадигму «невестка — свекровь» и отражают сложившийся уклад деревенской жизни, когда мать доживала с одним из сыновей, как правило, младшим. Невестка, войдя в семью, вынуждена была искать свое место в ней, выстраивать отношения с матерью мужа, входить в хозяйственные дела, постепенно с течением времени становясь хозяйкой в доме. Вместе с тем ситуация с подарком указывает на то, что невестка со свекровью считается мало. Собираясь в поездку и принимая заказы от соседок, Ольга про свекровь вспоминает «в последний вечер», никаких вариантов, кроме платка, не предлагает, не слышит, что матери он не нужен, не идет выбирать ей обувь (Алексей тоже вспоминает, что ничего не купил матери, накануне отъезда), устраивает скандал, узнав о цене ботинок, полна решимости продать их соседям и в итоге привозит платок. Он соотносится Мартиновной с концом жизни: «У меня этих платков... <...> с каждых похорон. До смерти» [Екимов, 2016, с. 276]. Купленный Ольгой платок «черный с розами», главное его достоинство — «недорогой <...>, а приглядный» [Екимов, 2016, с. 282]. О непростом совместном проживании героев свидетельствует и «нехорошая» реплика невестки — ее ответ дочери о назначении привезенных ботинок: «Это сынок маме купил» [Екимов, 2016, с. 282]. Неприкрытая издевка заставляет предположить, что спокойный, незлобивый Алексей, не привыкший настаивать на собственной правоте и смирившийся со вторым местом в семейной иерархии, не относится к числу умеющих жить и не пользуется у жены уважением, что переносится и на его мать.

О положении матери в доме свидетельствует такая пространственная деталь: она живет в «боковухе», что символично: вроде в семье, но не в центре, Мартиновна старается жить так, чтобы не мешать, занимать меньше места. Просьба об «осенней обуви» высказывается «тихо», ге-

роиня «боится просить» не потому, что робеет перед невесткой, а потому, что знает, как тяжело достаются деньги и по привычке экономит на себе.

С образом Мартиновны связаны элементы ретроспекции, причем они более значительны, чем в рассказе «Сапожки». Они открывают историю матери, которая прожила ту жизнь, которую могла в свою эпоху. Биография героини сведена к нескольким фразам, характеризующим ее жизнь как трудовую и бедную: «Пятерых детей подняла», «Всю жизнь в колхозной работе» [Екимов, 2016, с. 276]. Очевидно, что Мартиновна не привыкла думать о себе, не имела возможности удовлетворять свои потребности. Режим выживания нашел выражение в характерных портретных деталях: «вдовий плат на голове, суровые морщины, померкший свет в глазах» [Екимов, 2016, с. 276].

Героиня Екимова часто несет груз прошлого, мучительно переживая некоторые события собственной жизни. Он настаивает именно старого человека, будто давая возможность переосмыслить жизнь, отгоревать, примириться, простить себя. То, что Мартиновна помнит трофейные ботинки, свидетельствует о том, что ее детство и юность были тяжелыми: это довоенное, военное и послевоенное время. Ботинки должны были стать точкой отсчета счастья, неслучайно их появление у Мартиновны соотносится со свадьбой — символическим началом новой жизни. Становится понятно, что ничего дороже и красивее у героини не было. Жизнь ее прошла быстро, в «ежедневной суете и мельтешении» (В. Распутин). Героиня ни на что не жалуется: «Но Мартиновна плакала, и в слезах ее кто виноват был... Длинная нескладная жизнь?» [Екимов, 2016, с. 283].

Тихий, незаметный материнский подвиг самопожертвования, отречение от себя как от женщины воспринимаются всеми, да и самой героиней буднично и естественно. Екимов воспроизводит эгоистичную, но привычную логику жизни, которая состоит в отношении детей к матери как к человеку без потребностей, доживающему. С точки зрения Ольги, платок — предел потребностей свекрови, продавщица, узнав, что Алексей ищет обувь матери, отправляет его в соседний отдел, где продаются калоши, да и сам герой убежден, что ботинки для матери «дороговаты».

Невольно возникает параллель между Мартиновной и Ольгой с точки зрения их реализации в материнстве. Невестка переживает, на кого оставить детей, помнит, что «дочь невеста» и ее нужно приодеть. Мартиновна заботится и о взрослых детях. Но ситуации похожи только внешне. Если мать прожила, довольствуясь малым, то невестка в поездке о себе не забывает («себе так набрала» [Екимов, 2016, с. 278]). Мартиновна действительно отдает последнее и делает это, чтобы спасти детей от голода, а не

чтобы порадовать обновкой. Ольга «с ходу причитает», что муж потратил «последнюю денежку» на мать: «Дочь невеста... Хотела ей...» [Екимов, 2016, с. 281]. Понятно, что деньги легко героям не достаются, но все же они не в тех суровых обстоятельствах, которые вынудили Мартиновну обменять ботики на еду.

Для каждого героя рассказа Екимова ботики значат свое. Для Ольги — это странный поступок мужа, неразумная трата. Для Алексея — жест сына, не жалеющего для матери денег. Он думает о покупке обуви как о поводе для нее погордиться сыном, проявлении его любви и внимания («Сын привез», — скажет мать» [Екимов, 2016, с. 279]). Дорогая покупка для него — знак другим, демонстрирующий порядок в семье, взаимное уважение, правильное отношение детей к матери. Для Мартиновны ботики — овеществленная мечта и память о молодой себе, ушедших родителей, тяжелой трудовой жизни, которая прошла, будто и не была. Ее жизнь отмеряна от трофейных ботиков до привезенных сыном.

Екимов расширяет семейный, родовой сюжет. За Мартиновной «встают» подарившие ботики родители. Купив матери «пару осеней обуви», Алексей, сам того не понимая, продолжает линию добра, любви, заботы о родных. Ботики отсылают к семейной истории, о которой Алексей не знает. Он поступил так, как когда-то его дед, — не пожалел денег, чтобы порадовать близкого человека. Покупка становится нарушением естественно-трагического порядка жизни, когда думают прежде всего о детях, оставляя старикам довольствоваться малым.

Финал рассказа Екимова отмечен нетипичной реакцией героев: Мартиновна «голову уронила и заплакала», Алексей «не выдержал, вышел на крыльцо, закурил», сказал, «проглотив ком в горле», Ольга «прошептала», «в глазах у нее стояли слезы» [Екимов, 2016, с. 282—283]. Ботики, которые должны были стать яблоком раздора, неожиданно для героев объединили их, подарили счастье переживания нечаянной радости. В их душах есть резерв понимания, жива доброта, заслоненная повседневной жизнью, ее незаметной для глаза естественно-драматической логикой.

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на похожесть фабул рассказов, их сюжетное различие очевидно. Герои Шукшина знают, как должно быть, но зачастую отходят от жизненных идеалов, боятся быть добрыми, потому в мире писателя бытийное часто оказывается девальвированным. Его утверждение в рассказе «Сапожки» становится следствием волевого решения героя, его настойчивости и веры. У Шукшина речь идет о самоидентификации человека, о том,

как надо ему вырваться из среды, из «повседневности», из отождествления добра и «барахла» для того, чтобы увидеть себя настоящего, ни на кого не похожего. У Екимова движение сюжета противоположное: в житейски-однозначной ситуации он стремится увидеть не только глубину традиции, но вечную, совсем не деревенскую сложность. Он напоминает своим героям о бытийных основах жизни, с которыми каждому следует соотносить собственное существование.

Исследование имеет перспективу, поскольку сопоставительный анализ произведений В. Шукшина и Б. Екимова позволяет очертить нарративные тактики писателей и обозначить этапы развития «деревенской» прозы второй половины XX века.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Екимов Б. П.* Возвращение : Рассказы о живой жизни / Б. П. Екимов. — Москва : Никая, 2016. — 352 с. — ISBN 978-5-91761-476-2.
2. *Екимов Б. П.* Что же такое героизм? / Б. П. Екимов // Литературное обозрение. — 1986. — № 2. — С. 6—7.
3. *Распутин В. Г.* Что в слове, что за словом : Очерки, интервью, рецензии / В. Г. Распутин. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1987. — 336 с.
4. *Шукшин В. М.* Собрание сочинений в 5 томах / В. М. Шукшин. — Бишкек : Книголюб — Венд, 1992. — Т. 4. — 478 с. — Т. 5. — 510 с.

Литература

1. *Бараков В. Н.* От «деревенской прозы» к прозе о деревне (Борис Екимов, Станислав Мишнев, Александр Киров) / В. Н. Бараков // Наследие Ю. И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории : Мат. II Междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар : Новация, 2015. — С. 51—53. — ISBN 978-5-905557-65-1.
2. *Бодрова Л. Т.* Малая проза В. М. Шукшина в контексте современности / Л. Т. Бодрова. — Челябинск : Изд-во Челябинского государственного педагогического университета, 2011. — 372 с. — ISBN 978-5-85716-844-8.
3. *Васильев В.* Высота Бориса Екимова / В. Васильев // Достоинство слова : Литературно-критические статьи и заметки о современной поэзии и прозе. — Москва : Современник, 1988. — С. 150—154.
4. *Великанова И. В.* Автор и герой в прозе Б. Екимова / И. В. Великанова // Вестник ВолГУ. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. — 2011. — № 10. — С. 46—54.
5. *Воробьева А. Н.* Мир Шукшина : рождение героя / А. Н. Воробьева // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). — 2015. — № 10 (19). — С. 92—94.
6. *Иванова И. Н.* Деревенская проза в современной отечественной литературе : конец мифа или перезагрузка? / И. Н. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 6—1 (24). — С. 88—94.

7. Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза XX—XXI веков : генезис, мифопоэтика, контексты / Н. В. Ковтун. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 600 с. — ISBN 978-5-9765-3330-1.

8. Кожевникова С. В. Творчество Б. Екимова : динамика «деревенской» прозы последней трети XX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / С. В. Кожевникова. — Магнитогорск, 2002. — 209 с.

9. Крылова М. Н. Современная художественная литература о деревне : географический аспект [Электронный ресурс] / М. Н. Крылова // *Studia Humanitatis*. — 2022. — № 1. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-hudozhestvennaya-literatura-o-derevne-geograficheskiy-aspekt> (дата обращения 14.06.2024).

10. Куляпин А. И. Продавцы против покупателей : хронотоп магазина в художественном мире В. Шукшина / А. И. Куляпин // *Филология и человек*. — 2015. — № 2. — С. 63—70.

11. Мокрова М. В. Жанр рассказа в творчестве Б. П. Екимова : традиции и новаторство : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Мокрова. — Волгоград, 2003. — 18 с.

12. Плеханова И. И. Провокация в художественном сознании В. Шукшина : мотивы и пределы испытания смыслов / И. И. Плеханова // *Филологический класс*. — 2020. — Т. 25. — № 1. — С. 18—29. — DOI: 10.26170/FK20-01-02.

13. Плеханова И. И. Творчество Валентина Распутина и философия традиционализма / И. И. Плеханова // *Время и творчество Валентина Распутина*. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. — С. 60—90. — ISBN 978-5-9624-0598-8.

14. Роднянская И. Род людской : [О кн. Б. Екимова «Высшая мера»] / И. Роднянская // *Новый мир*. — 1996. — № 11. — С. 237—241.

15. Сигов В. Русская идея В. М. Шукшина. Концепция народного характера и национальной судьбы в прозе / В. Сигов. — Москва : Интеллект-центр, 1999. — 302 с. — ISBN 5-89790-021-3.

16. Тагильцев А. В. Борис Екимов : новации и традиции в «деревенской» прозе / А. В. Тагильцев, А. М. Вагапова // *Молодой ученый*. — 2022. — № 22 (417). — С. 594—597.

17. Цветова Н. С. Эсхатологическая топика русской традиционной прозы второй половины XX века / Н. С. Цветова. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2008. — 220 с. — ISBN 943-5-5684-5531-7.

18. Parthe K. *Russia's Dangerous Texts : Politics Between the Lines* / K. Parthe. — New Haven : Yale University Press, 2004. — 304 p. — ISBN 9780300098518.

*Статья поступила в редакцию 30.05.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.*

Material resources

Ekimov, B. P. (2016). *The return: Stories about living life*. Moscow: Nikea. 352 p. ISBN 978-5-91761-476-2. (In Russ.).

Ekimov, B. P. (1986). What is heroism? *Literary Review*, 2: 6—7. (In Russ.).

Rasputin, V. G. (1987). *What's in the word, what's behind the word: Essays, interviews, reviews*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 336 p. (In Russ.).

Shukshin, V. M. (1992). *Collected works in 5 volumes*. Bishkek: Knigolyub — Venda. T. 4—5. (In Russ.).

References

- Barakov, V. N. (2015). From “village prose” to prose about the village (Boris Ekimov, Stanislav Mishnev, Alexander Kirov). In: *Yu. I. Seleznev's legacy and actual problems of journalism, criticism, literary criticism, history: Mat. II International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar: Novation. 51—53. ISBN 978-5-905557-65-1. (In Russ.).
- Bodrova, L. T. (2011). *Small prose by V. M. Shukshin in the context of modernity*. Chelyabinsk: Publishing House of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 372 p. ISBN 978-5-85716-844-8. (In Russ.).
- Ivanova, I. N. (2013). Village prose in modern Russian literature: the end of a myth or a reboot? *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 6—1 (24): 88—94. (In Russ.).
- Kovtun, N. V. (2017). *Russian traditionalist prose of the XX—XXI centuries: genesis, mythopoetics, contexts*. Moscow: Flint: Nauka. 600 p. ISBN 978-5-9765-3330-1. (In Russ.).
- Kozhevnikova, S. V. (2002). *B. Ekimov's creativity: dynamics of “rustic” prose of the last third of the twentieth century*. PhD Diss. Magnitogorsk. 209 p. (In Russ.).
- Krylova, M. N. (2022). Modern fiction about the village: geographical aspect. *Studia Humanitatis*, 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-hudozhestvennaya-literatura-o-derevne-geograficheskiy-aspekt> (accessed 14.06.2024). (In Russ.).
- Kulyapin, A. I. (2015). Sellers against buyers: the chronotope of the store in the art world of V. Shukshin. *Philology and man*, 2: 63—70. (In Russ.).
- Mokrova, M. V. (2003). *The genre of the story in the work of B. P. Ekimov: traditions and innovation*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 18 p. (In Russ.).
- Parthe, K. (2004). *Russia's Dangerous Texts: Politics Between the Lines*. New Haven: Yale University Press. 304 p. ISBN 9780300098518.
- Plekhanova, I. I. (2020). Provocation in the artistic consciousness of V. Shukshin: motives and limits of the test of meanings. *Philological class*, 25 (1): 18—29. DOI: 10.26170/FK20 01 02. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (2012). The work of Valentin Rasputin and the philosophy of traditionalism. In: *The time and creativity of Valentin Rasputin*. Irkutsk: Publishing House of the ISU. 60—90. ISBN 978-5-9624-0598-8. (In Russ.).
- Rodnyanskaya, I. (1996). The human race: [About the book by B. Ekimov “The Highest measure”]. *Novy Mir*, 11: 237—241. (In Russ.).
- Sigov, V. (1999). *Russian idea V. M. Shukshin. The concept of national character and national destiny in prose*. Moscow: Intellect Center. 302 p. ISBN 5-89790-021-3. (In Russ.).
- Tagiltsev, A. V., Vagapova, A. M. (2022). Boris Ekimov: innovations and traditions in “rustic” prose. *Young Scientist*, 22 (417): 594—597. (In Russ.).
- Tsvetova, N. S. (2008). *Eschatological topic of Russian traditional prose of the second half of the twentieth century*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 220 p. ISBN 943-5-5684-5531-7. (In Russ.).

- Vasiliev, V. (1988). The height of Boris Ekimov. In: *The dignity of the word: Literary and critical articles and notes on modern poetry and prose*. Moscow: Sovremennik. 150—154. (In Russ.).
- Velikanova, I. V. (2011). The author and hero in the prose of B. Ekimov. *Bulletin of the Volga. Series 8. Literary studies. Journalism, 10*: 46—54. (In Russ.).
- Vorobyova, A. N. (2015). The world of Shukshin: the birth of a hero. *Eurasian Union of Scientists (EUU), 10 (19)*: 92—94. (In Russ.).

*The article was submitted 30.05.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Александр Игоревич Егоров, д-р истор. наук (Нижний Новгород)
Анатолий Васильевич Смолин, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Андрей Валерьевич Сушков, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Андрей Владимирович Зимаков, канд. экон. наук (Москва)
Анна Ивановна Татарникова, канд. истор. наук (Тобольск)
Виктор Николаевич Чепик, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Владимир Николаевич Барышников, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Владимир Петрович Трут, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Дмитрий Анатольевич Сафонов, д-р истор. наук (Тамбов)
Евгений Андреевич Колосков, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Екатерина Викторовна Костецкая, канд. филол. наук (Тюмень)
Кристина Евгеньевна Зольникова, исследователь (Тюмень)
Людмила Николаевна Суслова, канд. истор. наук (Тюмень)
Маргарита Игоревна Тулузакова, канд. истор. наук (Самара)
Николай Анатольевич Власов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Павел Владимирович Ильин, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Сергей Олегович Буранок д-р истор. наук (Самара)
Степан Александрович Пьянков, канд. истор. наук (Екатеринбург)